

Г.М. Шленская

РОДНОЙ БЕРЕГ, РОДНОЙ ДОМ...

Россия! Кто смеет учить
меня любви к ней?

И. Бунин

«Чем хорош Красноярск? Налево пойдешь - Россия, направо пойдешь - опять Россия. И вниз по Енисею - Россия, и вверх - она же». Однако автор этого высказывания - участник уже дважды прошедших «Литературных встреч в русской провинции», прозаик Михаил Кураев главное достоинство красноярской земли увидел не в том, что она является «географической пуповиной России», а в том, что здесь идет непрекращающаяся работа духовного кровообращения...

Возвращение в 1980 году на свою родину Виктора Астафьева становится рубежом в духовной жизни его земляков – красноярцев. К этому времени он уже стал писателем с мировым именем, автором «Кражи», «Последнего поклона», «Оды русскому огороду», «Пастуха и пастушки», «Царь-рыбы»... Переезд Виктора Астафьева в Красноярск, естественно, поднял тонус жизни писательской организации, повысил меру требовательности к себе и ответственности за художественное качество своей продукции его собратьев по литературному труду.

Одна из первых встреч Виктора Петровича со своими читателями-земляками после его возвращения из Вологды прошла 26 ноября 1980 года в Красноярском университете. Филфак в КрасГУ тогда еще не существовал, и читательскую аудиторию составили преимущественно преподаватели и студенты юрфака. Встреча, как это было модно тогда, проходила под девизом «Художник и время». Поначалу вопросы задавались робко и были традиционными: об истории замысла и создании той или иной книги, о прототипах его героев (как узнаю потом, вопрос, особо нелюбимый Астафьевым), об его отношении к творчеству других писателей-современников. Но вот кто-то спросил: «Какое содержание Вы вкладываете в понятие «интеллигентный человек»?»

Вопрос, как мне тогда показалось, был для Астафьева несколько неожиданным. И то, что он сказал в ответ, для аудитории тоже прозвучало как-то неожиданно и, может быть, чрезмерно конкретно: «Интеллигентной была моя бабушка Екатерина Петровна. Она никогда не лгала, была доброжелательна к людям и жила опрятно». Но после некоторой паузы, очевидно, сам до конца неудовлетворенный сказанным и чувствуя потребность обобщить, словно подвел черту: «Интеллигентный человек никогда не лжет. Никогда не берет на себя невыполнимых обязательств, ну а уж коли какое обязательство необдуманно возьмет, то выполнит его во что бы то ни стало. У интеллигентного человека совесть перед самим собой всегда чиста» Аудитории явно импонировало косвенно высказанное Астафьевым предпочтение обостренного нравственного чувства дипломированному хамству Термин А.Солженицына «образованищина» известен еще не был. Но каждый, кого это могло обеспокоить, давно понимал, что если ежегодно число формально образованных выпускников многочисленных вузов увеличивается в геометрической прогрессии, то дефицит порядочности, без которой немыслима подлинная интеллигентность, катастрофически возрастает

На вопрос: «Может ли быть писателем благополучный человек?» Астафьев ответил резко отрицательно: не может! При этом он заметил, что раньше обычно спрашивали: «Может ли быть писателем плохой человек?» Теперь - говорят о благополучном. Формулировка эволюционировала. И в новом звучании ее Астафьев увидел выражение нравственной оценки читателем «благополучных».

Овсянка, где Виктор Астафьев приобрел небольшой дом, становится своего рода сибирской Ясной Поляной, куда не прекращается поток гостей отовсюду. Стремятся заручиться поддержкой маститого писателя политические лидеры; на пути из эмиграции астафьевскую Овсянку посещает Александр Солженицын; из далекой Франции сюда приезжает известный литературовед Жорж Нива; непременно в гостях у Виктора Петровича бывают участники ежегодных «Славянских чтений» и отечественные знаменитости: писатели, музыканты, артисты... Построена в селе Овсянка известная сегодня всей России библиотека. Воздвигнут храм.

В 1994 году для оказания помощи молодым деятелям литературы и искусства создан фонд имени В.П. Астафьева. А спустя 4 года, 26 октября, благодаря содействию В.П. Астафьева открывается единственный в России литературный лицей, директором которого становится первый лауреат астафьевского фонда (их в настоящее время

уже тринадцать) поэтесса Марина Саввиных. При поддержке Астафьева писателю Роману Солнцеву удастся начать издание журнала «День и ночь»...

Как раз в то время, когда Виктор Петрович переехал в Красноярск, я готовила материалы о творчестве поэтессы Е.К. Стюарт, и мне периодически приходилось бывать в Новосибирске. Елизавета Константиновна при каждой нашей встрече не переставала интересоваться: как проходят его встречи с читателями? Часто ли они бывают и о чем на них идет речь? Что нового из его произведений издано в Красноярске? Каково его участие в литературной жизни края и влияние на уровень альманаха «Енисей»? В письмах она тоже постоянно упоминала о нем.

17 мая 1980 года: «Для Красноярской писательской организации переезд Астафьева, конечно, подарок».

19 ноября 1980 года: «Вы, красноярцы, теперь вообще богатые: у вас есть Астафьев!»

16 февраля 1981 года: «Очень хочу все знать об Астафьеве. Люблю его книги».

31 марта 1981 года: «Интересно все об Астафьеве. Очень люблю его, особенно «Царь-рыбу».

4 октября 1981 года: «Его мнение ценю очень высоко, так же, как его творчество».

А в письме от 18 апреля 1982 года полушутливо рассказала: «Астафьев был у нас на юбилее 60-летия «Сибирских огней» и даже вручал мне грамоту. Но интереснее было то, что потом на банкете он рассказал о московском графомане, который забросал все редакции своими стихами. А чтобы мы имели представление об этих стихах, он процитировал строчки: «Наша родина прекрасна и цветет как маков цвет; окромя явлений счастья - никаких явлений нет». Прелесть, по-моему! Я взяла эти строчки на вооружение. На вопрос: «Как вам живется?» - отвечаю ими.

Недавно завершено издание пятнадцатитомного собрания сочинений Виктора Астафьева. Это событие не только в жизни России, но и для читателей, критиков, интерпретаторов творчества писателя за рубежом. С изданием пятнадцатитомника открылась возможность заново и во всей полноте осмыслить творчество большого художника. Но очевиднее стали и трудности, подстерегающие на этом пути: значительность объема материала; полемичность позиции писателя; нестереотипность постановки и решения им общих в его творчестве с другими писателями-современниками проблем; уникальность жанровых форм, ставящая в тупик критиков с появлением каждого нового произведения Виктора Астафьева, и, наконец, то восхищающий, то обескураживающий язык астафьевских творений.

В прозе В. Астафьева два полюса - война («Болезнь нам ею - не переболеть, вспоминать ее - не перевспоминать!») и мир, в котором не утолена тоска по естественной жизни, ибо солдат, защитивший в кровопролитной боине достоинство своей державы, не сумел отстоять ни для себя, ни для своих детей и внуков право на достойное человека существование.

Теперь, когда все созданное писателем предстало в цельности, стало особенно очевидно, как сильна и напряженна в его творчестве мысль о Доме, а само понятие «дом» обретает все расширяющийся метафорический ореол.

В кризисные моменты истории (а переживаемое нами время определяется как «эпоха исторического возмездия») происходит пробуждение национального самосознания и резко очерчивается народный идеал. В русской жизни, в русской философии и литературе он всегда связывается с понятием «дом». В доме, по утверждению Ивана Ильина, те святыни, которые являют «источники нашей национальной силы». В нем - лоно рождения человеческого духа, родовой очаг здоровых традиций, передающихся ребенку в знак любви и уважения к личности ... Героев Астафьева рано постигает сиротство и бездомность. Не потому ли астафьевский Мальчик так светло вспоминает Страну своего Детства, «где на истинной земле жили воистину родные люди, умевшие любить тебя просто так, за то, что ты есть, и знающие одну-единственную плату - ответную любовь» («Ода русскому огороду»).

С понятием «дом» связывается ощущение стабильности, защищенности, крепости тыла, надежда на будущее свое и детей. Обилие бытовых деталей (баня, стирка, сушка, скудная трапеза вдвоем) придает отношениям Люси и Бориса в повести «Пастух и пастушка», ни в коем случае не снижая их, особую тональность. Может быть, сила, бросившая их друг к другу, пока еще не любовь? Может быть, это обоюдная горячая готовность признать в другом суженого тебе судьбою (Люся: «Я слышу твою музыку») - прежде всего иступленная жажда естественной жизни, в которой должны обязательно быть любовь, семья, «где надо ухаживать за любимым», дом (Борис «повел рукой: ему хорошо здесь дома»)? Естественной - вопреки жестокой реальности войны, «когда слово «смерть» делается обиходным, как слова есть, пить, спать, любить»? Незримое присутствие старомодной матери Бориса, чтение героями ее писем, возникающее едва уловимое уподобление Люси ей как бы поддерживают иллюзию домашнего очага.

Столкновение Дома и Истории, о чем судьбами многих своих героев напоминает Астафьев, - разрушительный процесс, идущий на протяжении многих десятилетий. И особенно трагично, когда жертвами его вместе со взрослыми становятся дети. Темы Дома и Детства обычно в астафьевском творчестве тесно сплетены. И именно дети - и этим писатель оставляет нам хоть какую-нибудь надежду - с данным им от рождения инстинктом к жизни уже в своих играх снова и снова строят Дом...

Высланные на Север из богатого алтайского села крестьяне вынуждены были на своем долгом пути перезимовать в тайге, которая вблизи сооруженных времянки вскоре покрылась бугорками неглубоких могил. «На могилы дети ходили играть в дом и в пашню, так как эти бугорки были единственной зримо приближенной землей» («Так хочется жить»). Дом... пашня... Земля... Снова и снова...

На той, еще не вспоротой бульдозером речке, возле не раздавленных гусеницами ключей трудятся двое - они она. Мальчик и девочка. «Мальчики играют в легкой мгле, сотни тысяч лет они играют: умирали царства на земле, детство никогда не умирает». Он складывает дом, она месит глину, носит в ладошках воду, и, когда вода проливается меж пальцев, он ворчит на нее, и она снова и снова спешит к речке, торопливо доставляя воду на замес. Построив дом, он, хозяин, идет за дровами, может, и рыбу добывать, она стряпает пироги из глины, укладывает под лопушок сделанных из сучков деточек - спать. Накрыли хозяева стол, ягодок черемухи и смородины на него насыпали, хозяйка желтый цветок-недотрогу в серединку поставила - огонек в доме затеплила, ромашек, называемых лебяжья шейка, на постель детей набросала. Спешите, гости и все люди добрые, на огонек во вновь построенный дом - вам тут всегда рады» («Последний поклон»).

Художественный метод В. Астафьева характеризуется резкими контрастами:

- достоверность и тенденциозность;
- щедрая, всегда неожиданная образность и публицистичность;
- натуралистическая жестокость, которая дала основание чешскому литературоведу М. Заградке говорить о «гиперкритикореализме» романа «Прокляты и убиты», и поэтическая символика;
- богатство сатирической палитры (от легкой иронии до гротеска) и тончайший лиризм;
- трагизм (М. Заградка опять-таки в связи с романом «Прокляты и убиты» говорит об апокалиптической силе отдельных сцен и близости их античной трагедии) и комедийность ряда ситуаций и характеров;
- коробящая слух «ненормативная» лексика и магия, волнующая музыка астафьевского слова, уподобляющая целые страницы повествования стихотворениям в прозе.

Написанное о Викторе Астафьеве критиками и литературоведами, будучи составлено вместе, пожалуй, превысит объем собственных произведений писателя. Не будем повторять сказанное. Коснемся лишь некоторых суждений эмоционально-нравственного плана.

В адрес Виктора Астафьева в последнее время сыплются упреки в недоброте и даже нелюбви к человеку. Однако объект, на который направлена «недоброта», обычно замалчивается. Упреки же эти легко могут быть сняты беспристрастным прочтением астафьевских текстов и многочисленными письмами к нему читателей, составивших целых два последних тома его собрания сочинений.

Вот хотя бы одно из них. Автор его - П. Г. - 46-летняя женщина, приговоренная смертельной болезнью к близкому концу. «Я хочу с вами попрощаться. Наступает, - кажется, последняя зима в моей жизни, и не знаю, будет ли весна, лето У меня рак...» В рассказе П.Г. о своей нелегкой судьбе и о том, что было ей дорого, - строки: «Я любила Ваши книги все эти годы и благодарю Бога и Вас за них, за то, что вы есть...» И далее: «Я хорошо прожила свои 46 лет. У меня любимый сын (жаль, не женат, нет внуков), много любящих и любимых друзей, я не сделал никому большого зла, я любила и была любима. Я никому никогда не завидовала. Я знаю, что такое радость и слезы над книгой, радость и слезы от музыки. (Если б можно было взять своего любимого Рахманинова, слышать его там) У меня всегда было жадное любопытство до всего нового, интересного. Я люблю Природу. Я много видела красивого.

Живите с Марией Семеновной как можно дольше без болезней, потерь, утрат. Счастья и здоровья всем вашим родным. Самое первое письмо я начинала с фразы: «Я люблю вас», последнее заканчиваю тем же: «Я люблю вас!»

С последним поклоном к вам - П.Г.»

Это письмо мужественного, умного и светлого человека. Но какой груз с каждой подобной исповедью принимает на сердце писатель? И какую же душу надо иметь, чтобы вместить в нее горести, страдания и тревоги десятков, сотен, тысяч пишущих ему людей? А письма все идут и идут ежедневно, еженедельно, ежегодно... каждое из них - исповедь и выражение бесконечного доверия к писателю, от которого его читатель привык ждать «правды сущей, правды, прямо в душу бьющей»

Можно привести и дополнительные опровержения астафьевской «нелюбви». Пожалуй, никому из современных писателей не дано с такою пронизывающей силой обжечь своего читателя болью чужой судьбы, а это уже качество таланта гуманного. Вспомним хотя бы маленького бездомного героя «Кражи», или беспечную, полную доброжелательности и наивного доверия к жизни мать Акима, или самого Акима с его многотрудной судьбой («Царь-рыба»). Или еще не успевших возмужать братьев Снегиревых, до последнего своего мига не осознавших бесчеловечности махины, с которой их столкнула жизнь, или «сырых солдатиков», оставшихся лежать в чужой земле («Прокляты и убиты»). Каждый, кто вошел в мир астафьевских книг, не мог хотя бы однажды не поймать себя на том, что, испытав нестерпимую боль за героев, в нем живущих и страдающих, когда уже невозможно продолжать чтение, он, читатель, снова возвращается к опалившей его странице. Душа словно

догадывается, что в этой муке она побывала на самой высокой из доступных ей вершин, и жаждет снова пережить очищающую силу сострадания.

В отношении Астафьева к своим героям и своим современникам угадывается роднящая его с Буниным оскорбленная любовь. Вслед за автором «Окаянных дней» он мог бы обратиться к своим оппонентам полный достоинства вопрос: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?» Бунинская традиция в творчестве Астафьева современниками явно недооценена. А она прежде всего - в боли за нереализованные возможности и талантливость русского человека, за неиспользованность богатства земли, на которой ему щедро подарено жить, за так и не состоявшийся в его жизни ожидаемый праздник.

Проза Астафьева словно аккумулирует в себе «энергию стыда» (термин В. Леоновича), накопленного в нашей жизни. «...Ни Бог, ни природа не виноваты, что ты стал тем, чем ты стал. Ищи в себе виноватого, тогда не будет виноватых вокруг. Уверни тлеющий фитиль, погаси зло в себе, и оно погаснет в других, только так и не иначе - это самый легкий, но и самый сложный путь к людскому примирению. И открой в себе память!» Именно в мужестве винить за окружающую мерзость прежде всего себя русский философ Николай Бердяев и видел окружающую свободу. Со страниц астафьевских книг то гневно, то убеждающе звучит требование опаматоваться, отважиться на самоосуждение, за которым, по словам другого русского философа К. Леонтьева, неизбежно следуют покаяние и возрождение. Заметим: без соотнесения прозы Виктора Астафьева с русской философской мыслью невозможно проникнуть в глубинные смыслы его творчества и определить его место в духовной жизни XX века.

«Вера» - слово, которое все чаще встречается на страницах астафьевских книг. К примеру, для критика Есаулова принципиальная новизна романа «Прокляты и убиты» - в изображении того, как впервые за свою историю Священную Отечественную войну ведет расхристианившаяся Русь, в которой произошла насильственная подмена православной веры на коммунистическую. В то же время автор романа психологически достоверно передает, как велика душевная потребность в молитве, которую испытывают в трагические минуты даже те из его героев, кем и имя Божие было предано забвению и не произносилось прежде. И, стремясь предотвратить бег своих современников к самоуничтожению, Астафьев-публицист стремится вложить в их уста слова творимой им молитвы:

«Господи! Где наш предел? Где остановка!" Укажи нам, окончательно заблудившимся, путь к иной жизни, к свету и разуму! Господи! Ты же обещал нам его, указывал, но мы оказались непослушными чадами, норовистыми, свой разум куцый с гордыней своей выше. Твоего вознесли и в беге, смятении, вечной борьбе за свободу и счастье, не понимая, что жизнь, которой Ты нас наградишь, - и есть высшее счастье и награда, а свободой, значит, и собой, по Твоему велению мы обязаны распорядиться сами. Но мы не справились с этой первой и единственной святой обязанностью, впали в тяжкий грех отрицания всего разумного, нам свыше дарованного.

И прости нас, Господи! Прости и помилуй. Может, мы еще успеем покаяться и что-то полезное и разумное сделать на этой земле и научим разумно, не по-нашему, распорядиться жизнью своей и волей наших детей и внуков. Прости нас на все времена, наблюдай нас и веди к солнцу, пока оно не погаснет».

Вслушиваясь в музыку слова Астафьева, невольно испытываешь желание отнести к автору его собственную оценку лирики Сергея Есенина: «Какая очищающая скорбь!». Критики справедливо считают, что анализировать произведения Астафьева по законам прозы нельзя. Кто-то из них называл его «скорбным поэтом».

Астафьев обладает способностью слышать музыку в каждой минуте жизни. Приоткрывая секреты своего мастерства, он как-то признался, что для него «прежде чем возникает сюжет, оформится замысел, вещь должна «завучать», слиться в единую мелодию, навеянную внутренней потребностью автора и самой жизнью» («Ритм прозы»). Отсюда и власть над нашей душой всегда узнаваемой мелодии астафьевской прозы... «Проза В.Астафьева наполнена музыкой. Вот почему, наверное, прочитав первую же его книгу, я знал, что рано или поздно попытаюсь с помощью нотных знаков перенести на бумагу то, что им же, Астафьевым, спето, но только мной услышано», - пишет композитор О. Меремкулов, создавший симфонию для оркестра русских народных инструментов «По прочтении В. Астафьева».

В 1986 году в народном издательстве Праги вышла роскошно оформленная книга «Její Velicestvo guba» («Ее величество рыба»). Так назвал Владимир Михна свой перевод романа «Царь-рыба» на чешский язык. Узнав об этом несколько позже, Виктор Петрович прощающе заметит: «Это еще ничего. Вот в Англии «Последний поклон» взяли да обозвали «Кивок головы».

Допущенную в названии вольность переводчик объяснил тем, что слово «царь» у чешского читателя вызывает прежде всего ассоциации с образом правления в дореволюционной России и может отвлечь от главной мысли: человек лишь малая живая частица в бескрайних просторах Ее величества природы, которая одна во всем и над всеми.

По роду своей деятельности в Праге (1985 - 1989 гг.) мне приходилось довольно часто видеться с Владимиром Михна. И однажды, заручившись разрешением, я записала его рассказ о работе над переводом «Царь-рыбы».

А дело было так. Познакомившись с новым произведением Виктора Астафьева, чешские издатели, единодушные в восторженной оценке романа, столь же единодушно решили, что перевод

его на другой язык невозможен: уроженец Сибири, где сошлись разные говоры и диалекты, автор использует слишком много диалектизмов и народных выражений, которым нет эквивалентов в чешском, языке. Тогда Владимир Михна «обиделся за чешский язык и писателя Астафьева», переводчиком ряда военных рассказов и «Затесей» которого он уже был, и взял на себя публичное обязательство перевести роман. В новом произведении Астафьева, жанр которого Владимир Михна определил как «философско-этнический трактат», его привлекли, как вообще в астафьевской прозе, «ошеломляющая искренность, беспощадная исповедальность, знание жизни, стремление соединить художественную и жизненную правду, блестящее мастерство и великолепное знание народного языка».

Изо дня в день четыре года Владимир Михна трудился над переводом, а ночами рвал написанное: не то! Уже почти отчаялся, когда посетила счастливая мысль просмотреть конспекты лекций студенческих лет по чешским диалектам. И перевод сразу сдвинулся. Пришлось, конечно, покопаться в старых словарях, обратиться к сохранившемуся восточно-чешскому диалекту, воспользоваться спецификой восточно-моравской лексики, проконсультироваться у специалистов-диалектологов... «Путь к родному чешскому языку, - говорит Владимир Михна, - для меня лежит через творчество русского писателя Астафьева».

В 1987 году автор романа «Царь-рыба» и его переводчик были отмечены в Чехословакии какими-то важными премиями. И там сразу разнесся слух о близком приезде Виктора Петровича в Прагу. Как-то после лекции на кафедре литературы в университете ко мне подошла одна из молодых преподавательниц и попросила: «Пожалуйста, как только станет известен точный срок приезда Астафьева, сообщите сразу мне лично. Лично! Я пешком из Брно в Прагу приду». От Брно до Праги где-то 250 километров. И сказанное, конечно, метафора уважения и любви к творчеству нашего великого земляка.

Чуть позже в Праге на кафедре литературы Карлова университета меня попросили проконсультировать дипломницу из Сербии, работающую над романом «Царь-рыба». Дочь влиятельных людей из Белграда, красивая, изящно одетая, избалованная общим вниманием, З.М. жила на Парижской улице - самой престижной в чешской столице и приезжала на консультации на собственной машине. Когда мы познакомились поближе, я однажды спросила ее: «Зорица! Зачем ты выбрала эту тему? Что тебе до чужой насадной жизни?». Она сразу ответила, как хорошо продуманное, что, владея пятью языками, прочла в подлиннике многих классиков европейской и русской литературы, по «ни у кого не слышала такой музыки слова, как у Астафьева»... (По-русски З.М. говорила почти без акцента...)

Сама смена определений, прилагаемых критиками к Астафьеву («деревенщик», «почвенник», «эколог», «традиционалист»), говорит о невозможности втиснуть созданное им в какую-либо нишу, не обеднив при этом его масштаба и значимости. Может быть, больше прав чешский переводчик и критик Владимир Михна, считающий Виктора Астафьева представителем «морально-максималистского направления» в русской литературе? Близок к нему в прочтении астафьевского текста поэт В.Леонович: роман «Прокляты и убиты» он воспринимает как «вопль» к нашему сердцу, к нашему разумению, к памяти. Вопль - двусложное со свободным ударением, будто спетое Шалапинным». И задавшись вопросом: «Кто же ныне соизмерим с классиками, в которых я судорожно ищу опору?... (пропущено мною. - Г.Ш.). Кто же необычаен в наши необычайные девяностые?» - В.Леонович называет имя «красноярского мужика», левизну которого тщетно пытаются править критики и «слышать которого во всем безобразии его и святости нам нужнее, чем Отче наш».

Личность артистичная и яркая, человек быстрый на меткое слово, горячий и часто непредсказуемый, Астафьев множит о себе легенды и слухи. И если учесть, что легенда - это то, что остается от факта, для понимания отношения к писателю и его творчеству читателей имело бы смысл легенды эти записать и сохранить.

Среди них есть, например, такая, бытующая на Западе. Какой-то голландский лощман, дежуря на проливе Ла-Мани, от нечего делать изучил русский язык и перевел роман «Царь-рыба». Книга, изданная в массовой библиотеке, сразу разошлась, и о ней заговорили. Был издан новый тираж — на лучшей по качеству бумаге и красочно оформленный, и он не залежался, хотя бумага была лощеной, книга облаченной в красочную суперобложку, а значит, стоила дорого. Издатель издательства «Мехелен» по фамилии Ашер и его покровители, озабоченные проблемами экологии, которые в Европе, особенно в Голландии, стоят гораздо острее, чем мы можем предполагать, призвал к себе лощмана и пообещал ему на сколько-то лет обеспечить сказочное содержание и службу, подарить виллу и модной марки машину, но при одном условии: «переведи все, что написал этот писатель! И перевели, и издали семь книг. У этой легенды есть и другие варианты

А вот еще одна, которая возникла после посещения Овсянки участниками «Вторых Славянских чтений» и была увезена ими в Европу. Один из гостей писателя, молодой журналист чех Иржи Клапка, решил, пока в астафьевском домике варилась уха и накрывался стол, осмотреть Овсянку, побывать на Енисее, чтобы, возвратившись к родным Пенатам, покрасочнее описать родину

писателя. Минут через двадцать он вернулся несколько удивленный и показал новенькие электронные часы, которые нашел на берегу Енисея. Астафьев тут же прокомментировал: «Вот, привезли мне блатных чехов! Только выпустили одного, а он тут же не то овсянского мужика, не то бабу ограбил» Чехи были в восторге, а Иржи сделал еще одну находку - на этот раз журналистскую. Дома, рассказывая об этом, они добавляли, что Астафьев еще учил их песне «На нас напали злые чехи, село родное подожгли» И голос у него очень хороший

А вот - чисто местная Приехав впервые в гости в Конский педагогический колледж (он-то думал, что просто в педагогический техникум), Астафьев заметил: «Везде бывал, а вот в двух местах быть пока не пришлось в тюрьме и колледже». Не любит тонкий знаток народного языка чужих, слов и выражений'

Известна реплика М. Горького, оброненная им в одном из писем: если Сибирь дала в науке Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы не предположить, что следующий великий писатель родится в Сибири?

Пожалуй, сегодня любой, кому случайно попали или попадут эти строки, воспримет их как предощущение в русской литературе Виктора Астафьева. Однако сам писатель, неоднократно высказывавший самую высокую требовательность к труду литератора и умеющий поистине каторжно трудиться, озабоченный тем, чтобы «спасти мир от одичания», чтобы «наши внуки с достоинством разумных существ вступили в третье тысячелетие», судит себя строже.

Словно продолжая горьковскую мысль, В. Астафьев в интервью журналу «Огонек» (1986) заметил: «Вообще, у меня предощущение появления гения в литературе. Того, на которого мы все работаем, быть может, какого и свет еще не видывал. Кажется, что он где-то поблизости. И на этот раз он, думается мне, появится не в пределах так называемого российского Нечерноземья, а на нашем сибирском просторе, где содержится еще мощь, энергия, сила».

ИНТЕРВЬЮ ПИСАТЕЛЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА ЖУРНАЛУ «ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА» В ПРАГЕ (декабрь 1986)

Г.Ш. Сегодня в СССР огромное внимание к экономическим и духовным процессам, которые происходят в Сибири. Велик у чехословацкого читателя и интерес к сибирской теме в литературе, к произведениям писателей, биографически и творчески связанных с Сибирью. Все чаще на страницах критических работ встречается ставшее почти термином выражение «сибирская литература». Правомерно ли оно? И если да, то как бы Вы определили самые характерные и существенные черты литературного движения современной Сибири?

В.А. В общем потоке советской литературы за последние десятилетия заметное место заняли произведения писателей, выходцев из Сибири: Сергея Залыгина, Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Андрея Скалона, Геннадия Машкина, Александра Плетнева, Владимира Колыхалова, Вадима Макшевича, Геннадия Чугунка. В Новосибирске издается «Литературное наследие Сибири», стараниями великого труженика и литературоведа Николая Николаевича Яновского и его сподвижников вышло уже семь объемистых томов этого необходимого труда. В Иркутске выпускается серия книг под названием «Сибирь и декабристы», здесь же осуществляется издание произведений декабристов, отбывавших ссылку в Сибири. Уже вышли книги Раевского, Трубецкого, Штейнгеля, Розена. Одновременно с этими изданиями начали печататься книги полузабытых, давно не печатавшихся писателей дореволюционного периода - Иннокентия Омулевского, Георгия Гребенщикова, Ивана Калашникова, Василия Михеева, автора знаменитого «Конька-горбунка» Петра Ершова, а начата эта серия была книгой великого писателя прошлого Протопопа Аввакума, куда вошли и вновь найденные материалы о жизни и деяниях неистового Протопопа, и написанное им самим. В Новосибирске продолжают выходить «Библиотека сибирского романа» и «Библиотека сибирской поэзии», осуществлен уже четвертый выпуск «Сибирского рассказа» и продолжается работа над составлением пятой книги. Много лет уже издаются в Красноярске книги в серии «Писатели на берегах Енисея» Здесь же намечается выпуск «Библиотеки об освоении Арктики». С 1987 года в Иркутске начнется издание двадцатитомной «Юношеской библиотеки», куда войдут лучшие произведения советских писателей для детей и юношества. Выпуск этой библиотеки рассчитан на десять лет. Осуществляются или намечены к осуществлению и другие издания в Сибири и о Сибири писателей, живущих, кстати, по всей стране, большей частью в Москве. Можно ли все это называть «сибирской литературой»?

Кому хочется, пусть называют, а вообще наша многонациональная литература едина и успехи ее, как и недостатки, есть успехи и недостатки общие.

Г.Ш. Известна любопытная реплика М. Горького, оброненная им в одном из писем: если Сибирь дала в науке Менделеева, а в живописи Сурикова, то почему бы не предполагать, что следующий великий романист родится в Сибири? В недавнем Вашем интервью журналу «Огонек» есть

раздумье, заставляющее вспомнить эти горьковские строки. Напомню сказанное Вами: «Вообще у меня предощущение появления гения в литературе. Того, на которого мы все работаем, быть может, такого, какого и свет еще не видывал. Кажется, что он где-то поблизости. И на этот раз он, думается мне, появится не в пределах так называемого российского Нечерноземья, а на нашем сибирском просторе, где содержатся еще мощь, энергия, сила».

Свое предчувствие рождения гения на сибирском почве Вы объясняете (здесь «мощь, энергия, сила»). И все-таки не могли бы Вы развить эту мысль обстоятельнее?

В.А. Да, я обмолвился о том, что есть в нашей литературе предчувствие гения и на основании том, что Сибирь - страна молодая, со своим зарядом энергии, вобравшая в себя силу исторических преобразований, языки многих переселенцев и коренного русского населения Сибири, мало еще замученного и замутненного примесями иностранного и казенно-бюрократического жаргона (впрочем, наши газеты, радио, телевидение, да и некоторые писатели тоже по оскудению родной речи сравниваются со столицами, а часто даже и обгоняют их в языковом убожестве), так вот в силу всех названных причин я и высказывал предположение, что явление гения мне видится в Сибири. И хотя предположение это я обставил всякого рода оговорками, типа «мне кажется», «я думаю» - все равно на меня рассердились некоторые коренные русичи-литераторы и обвинили в «квасном патриотизме». Поживем - увидим Главное, чтоб ожидание и жажда творчества не угасали.

Г.Ш. Ваши книги переведены на языки многих народов мира. Вам как автору, естественно, не может быть безразлична их судьба. Что, на Ваш взгляд, для переводчика важнее всего, чтобы переведенное им произведение действовало на сознание и душу читателя его народа так, как действует оригинал на сознание и душу соотечественников автора?

В.А. Я как-то спросил у знакомого поляка о своих книгах, довольно часто издававшихся в Польше, как, мол, они на польском-то выглядят? «О-о, Виктор! - воскликнул поляк. - Хорошо, что ты польского не разумеешь! А то бы прочитал свою книгу на польском и сразу падал на землю и умирал от разрыва сердца!»

Вот недавно перевели на английский мою повесть «Последний поклон» под названием «Кивок головы». Ну как тут не падать на землю?!

Думаю, что мои трудно переводимые названия книг и язык, изобилующий местной речью и истинно русскими словами, которые отчего-то сделались «редкими», переводить буквально нельзя, какой-то сходный материал найдется в любом языке, при этом, конечно, многое потеряется, исчезнет «тень» и «полутень», но тут уже ничего не поделаешь. Лишь бы переводчики отсебятину не пороли, избегали неточностей и глупостей. Многие переводчики шлют мне большие письма с просьбой объяснить им непонятные слова, и я, отложив всякие дела, немедленно им отвечаю

Что действует на сознание и душу читателей - оригинал или перевод - сказать не берусь. Был свидетелем и не раз, тому, что демагогия и краснобайство без всякого перевода безотказно и точно действуют на людей, сбивают их с толку, мутят и искажают истину, деформируют сознание человека до такой степени что все классики мировой литературы, гении - философы, могучая мировая культура не в состоянии бывают образумить его, вернуть ему чувство собственного достоинства и найти нравственный стержень обрести духовное начало.

Г.Ш. Д.Гранин как-то признался: «Повесть «Эта странная жизнь»- единственная из всех написанных мной книг, про которую могу сказать, что хотел бы, чтобы ее прочитало как можно больше людей». Могли бы Вы подобным образом выделить из написанного Вами «единственную» книгу, которую Вам хотелось бы адресовать одновременно всем людям?

В.А. Нет у меня такой книги, но написать ее мечтаю.

Г.Ш. Какое место Вы отводите в своем творчестве жанру рассказа? Каковы Ваши требования к произведениям этого жанра? Чьи традиции в нем ближе и дороже? В предисловии к красноярскому изданию «Затесей» Вы много размышляете о поэзии и ее законах. Создается впечатление, что Вы как бы готовите читателя, раскрывшего эту книгу, к восприятию стихов (замечу, что и в критике «Затесей» не раз сопоставлялись с тургеневскими стихотворениями в прозе). Так ли это?

В.А. Рассказ был и остается моим любимым жанром. Научившийся писать рассказы литератор свободно переходит на другие жанры, а вот романисты, то есть люди, научившиеся составлять толковые книги, частенько не могут написать рассказа, ибо он требует не только сжатости слова и строки, но и концентрации мысли, ярких изобразительных средств и никакой «воды», никакого разжевывания. За текстом рассказа должен быть еще один «текст», еще один, а лучшие три - четыре пласта подтекста, и полифония, и «звук» - все-все обязано здесь «работать», но «работать» незаметно глазу. Трудный, привлекательный жанр, и хорошо, что он у нас не угасает и часто достигает такого звучания, что воспринимается как «стихотворение в прозе». Впрочем, в нашей современной, да и мировой поэзии так

мало стало ладу и складу, что о каком-то звучании слова, тем более музыкальном, и речи вести не приходится.

Г.Ш. Что для Вас дороже всего в контакте с читателем? Чего вы от него ждете?

В.А. От читателей я жду писем и по ним узнаю: получилось у меня данное произведение или не получилось. «Прямой» контакт с читателями переношу трудно, особенно когда в глаза начинают хвалить, испытываю чувство неловкости, а зачастую и растерянности.

Г.Ш. Виктор Петрович, при такой интенсивности труда (Вы однажды обронили, что в отдельные удачливые дни Вы можете написать до 50 страниц!) удастся ли Вам выкроить время еще и для чтения? Если да, то каков круг Вашего чтения сегодня? Возникает ли потребность перечитать прочитанное прежде? Что именно?

В.А. К сожалению, из-за суеты и слабеющего зрения читаю я в последнее время обидно мало и, наверное, совсем не оригинален в своих привязанностях. Читаю все, что переводится на русский язык - Габриэля Маркеса, люблю читать «Великого Гэтсби» Фитцджеральда, «Жемчужину», «Гроздь гнева» Стейнбека, открыл для себя и с наслаждением читаю ирландца Уолтера Мэкина, исландцев, особенно Халлдора Лакснаса, всегда любил читать, а сейчас постоянно, с любого места, как Библию, читаю и перечитываю «Дон-Кихота». Из чехословацкой литературы читал и читаю постоянно Гашека, Чапека, ныне здравствующего Яна Козака.

Г.Ш. А какие произведения и каких авторов Вы бы отнесли к наиболее любимым Вами?

В.А. «Тихий Дон», «Сто лет одиночества», поэмы Твардовского, некоторые стихи. Рубцова.

Г.Ш. В Чехословакии много переводили Вас. Пожалуй, можно утверждать, что там определился целый отряд переводчиков Астафьева. За перевод романа «Царь-рыба» Владимир Михна только что удостоен премии Гран-при. Вообще интерес к Вашему творчеству там велик. А Вы ведь ни разу не бывали в этой стране.

В.А. Если пригласят, с удовольствием приеду.

21 декабря 1986 г.
Красноярск

ПРИЛОЖЕНИЕ

С сентября 1985 года по сентябрь 1989 года я работала заместителем директора филиала Института русского языка имени А.С.Пушкина в Праге. В круг моих обязанностей входила организация сотрудничества ФИРЯП с чешскими писателями и переводчиками. Одним из моих постоянных партнеров по проведению юбилеев русских писателей, литературных вечеров и дискуссий был главный редактор пражского журнала «Иностранная литература» Владимир Михна. Хорошо известный чешскому читателю как талантливый переводчик русской прозы, он тогда только что завершил перевод высоко оцененного на Западе романа В.Астафьева «Царь-рыба». По просьбе Владимира Михна, приехав в Красноярск в первый свой отпуск, я взяла для возглавляемого им журнала интервью у Виктора Петровича Астафьева, текст которого был опубликован только на чешском языке.

Г.Шленская